

А. А. ПИЧХАДЗЕ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
rusyaz@yandex.ru

ПЕРФЕКТ И КНИЖНЫЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ В ДРЕВНЕРУССКОМ: МЕСТО СЕНТЕНЦИАЛЬНОГО ОТРИЦАНИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ГЛАГОЛА*

Статья состоит из двух частей. В первой рассматривается положение отрицания при аналитических претеритах в древнерусском языке. В качестве источников были использованы древнерусские летописи и берестяные грамоты. Исследование подтвердило, что в древнерусском языке, в отличие от древнеболгарского, отрицание примыкало к причастию аналитических претеритов, а не к вспомогательному глаголу. Редкие случаи постановки отрицания при вспомогательном глаголе объясняются церковнославянским влиянием. Во второй части анализируется место вспомогательного глагола в древнерусских аналитических претеритах. Показано, что вспомогательный глагол не только перфекта, но и книжного плюсквамперфекта достаточно регулярно употребляется в летописях в позиции, характерной для глагольной энклитики. Похожая ситуация наблюдается в старославянском Мариинском евангелии. Высказано предположение, что вспомогательный глагол плюсквамперфекта в славянских диалектах мог выступать в качестве энклитики, подобно вспомогательным глаголам в составе других аналитических временных форм — перфекта, сверхсложного плюсквамперфекта и сложного будущего. Энклитическое употребление вспомогательного глагола плюсквамперфекта, возможно, развилось еще в дописьменную эпоху.

Ключевые слова: отрицание, вспомогательный глагол, плюсквамперфект, энклитики, древнерусский язык.

Место сентенциального отрицания

Одно из самых ярких отличий древнерусской письменности от южнославянской состоит в том, что в сочетании с аналитическими формами прошедших времен глагола (т. е. перфекта и плюсквамперфекта) в средневековых южнославянских памятниках сентенциальное отрицание обычно примыкает к вспомогательному глаголу, а в древнерусских — к причастию

* Статья подготовлена в ходе работы над проектом «Лингвистические параметры жанров оригинальной книжной письменности Древней Руси», поддержанным РФФИ (№ 20-012-00241). Выражаю глубокую благодарность М. Н. Толстой и А. В. Циммерлингу за замечания и соображения, высказанные по поводу настоящей статьи.

[Хабургаев 1978: 46; Migdalski 2006: 104–105, 114–116; Willis 2013: 345–346]. В старославянских текстах отрицание обычно находится в контактной препозиции к формам вспомогательного глагола **БЫТИ** и сливается с ними, если они начинаются с гласного, — в результате возникают формы типа **нѣсмъ**, **нѣсть** и т. п. [Večerka 1989: 34; Willis 2013: 347–348]. Между отрицанием и вспомогательным глаголом может помещаться энклитическая частица **во**, так что отрицание и энклитика образуют проклитико-энклитический комплекс; однако проклитико-энклитические комплексы в славянских языках рано перестали употребляться, поэтому сочетания типа **не во бѣ**, **не во то есть** редки не только в старославянском языке, но и в церковнославянских памятниках, не входящих в старославянский канон [Večerka 1989: 46; Зализняк 2008: 72, 227–228], а в древнерусской письменности они фиксируются исключительно в церковнославянских текстах¹ [Зализняк 2008: 76, 78].

Действительно, в Мстиславовом евангелии² — типичном представителе преславской редакции Евангелия, возникшей в X в., — отрицание употребляется перед вспомогательным глаголом перфекта 20 раз, а при причастии — только трижды (Мк. X 21, Мф. XIX 20 и Лк. XVIII 22), причем в двух контекстах из трех, видимо, представлен глагол **недоконьчати**, в котором приставка **не-** уже не отделялась: **чесо ксмъ еше не доконьчалъ** Мф. XIX 20 и **еше кдино не доконьчалъ кси** Лк. XVIII 22. В Супрасльской рукописи в перфекте засвидетельствовано 3 случая с отрицанием при причастии — все из одного пассажа, отсылающего к Евангелию от Луки XXIV 18 (**вѣди кже не видѣлъ кси то не слыша ли** 475.5; **ты ли кдинъ живеш иероусалимѣ · и не оувѣдѣлъ кси бывъшааго въ немъ** 475.10; **и не оувѣдѣлъ кси бывъшааго** 475.18), в то время как контекстов с отрицанием, слившимся с вспомогательным глаголом, не меньше 23-х³. В плюсквам-перфекте в Супрасльской рукописи отрицание всегда примыкает к вспомогательному глаголу — 4 раза (121.15; 442.3, еще в двух контекстах отрицание отделено от вспомогательного глагола наречием и частицей-энклитикой: **не оу во бѣаше дотолѣ видѣлъ аггела** 122.29, **не оу во бѣ мжжа познала** 489.9). Похожая картина наблюдается в Успенском сборнике XII–XIII вв., содержащем по большей части южнославянские тексты: при единственном случае употребления отрицания при причастии перфек-

¹ По данным НКРЯ, сочетание **не во** встречается в древнерусских летописях всего один раз — в Суздальской летописи в цитате из Послания к Римлянам XIII 4: **аще ли зло творишь бонсѣ · не во без ѹма мечь носить** [ПСРЛ I: 422].

² По изданию [МстЕв].

³ 8.8; 115.10; 120.24; 140.13; 147.21; 147.26; 149.23; 149.29–30; 171.23; 195.8; 195.28; 197.19; 225.25; 336.1; 337.9; 337.11; 337.13; 377.4; 428.28; 445.30; 512.11; 520.1; 540.8. Данные получены с помощью созданного в Тромсё (Норвегия) корпуса ТОРОТ (<https://nestor.uit.no>); адреса приводятся по изданию [Займов, Капалдо 1982–1983].

та (не оустроилъ же сѧ кси ц(с)рю 75в7) только слитных форм типа нѣсмь в составе перфекта не меньше 17-ти; плюсквамперфект с отрицанием отмечен один раз — отрицание примыкает к вспомогательному глаголу [УСб: 518–519]. Напротив, в древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого» соотношение обратное: по данным древнерусского подкорпуса НКРЯ, отрицание при причастии перфекта употреблено 21 раз, при вспомогательном глаголе перфекта и плюсквамперфекта — 7 раз⁴.

В древнерусских летописях перевес в пользу отрицания при причастии еще больше, чем в церковнославянском переводе «Жития Андрея Юродивого».

В «Повести временных лет» обнаруживаются два контекста, в которых показания древнейших летописных сводов расходятся. Один из них содержит форму перфекта: в Лаврентьевском своде читается аще и тѣло(м) ап(с)ли не сѣть не были. но оученыа ихъ. аки трѹбы гласать по все-лен(ѣ)и в цркъхъ, в Ипатьевском — аще бо и тѣломъ ап(с)ли сѣть. здѣ не были но оучениа ихъ. яко трѹбы гласать 32г31. В Лаврентьевском списке одно из двух не ошибочно написано вместо сѣ, но какое именно — не ясно; в Радзивилловском и Академическом списках второго не (при причастии) нет [ПСРЛ I: 83]. Если первоначальным чтением в списках Лаврентьевской группы было не сѣть сѣ были, то Лаврентьевский список может отражать первый этап порчи (сѣ → не), а Радзивилловская и Академическая летописи — второй (устранение второго не). Однако не исключено, что порче подверглось первоначальное чтение сѣ сѣть не были, с отрицанием при причастии, как в Ипатьевском своде.

Второй контекст содержит плюсквамперфект: в Лаврентьевской летописи читается еще бо не бѡху сѧ оутвердили вѣрою [Там же: 119], в Ипатьевской — и еще бо сѧ бѡху не оутвердили 44г15. Определить истинное чтение здесь затруднительно.

Кроме того, в одном контексте аналитическая форма отмечена только в Ипатьевском своде: и еще бо сѧ бѡхутъ не собрали к немѹ вои И47г29, в то время как в Лаврентьевском читается только не бѣ бо вои оу него [Там же: 127].

Наконец, в соответствии с перфектом Лаврентьевской летописи аще ли по моеи смѣрти wskудѣвати начне манастирь. черноризци. и потребами манастирьскими. то вѣдуще бѹди [в др. сп.: бѹдете] яко не оугодилъ ксмѣ бѹ [Там же: 188] в Ипатьевской читается не оугодилъ бѹдѹ 69в5 — это чтение, возможно, и было первоначальным.

В остальных случаях показания обеих текстовых ветвей совпадают.

⁴ Отрицание при причастии — перфект: 500, 681, 1625, 1944, 2031, 2295, 2476, 2820, 2874, 2888, 2983, 3180, 3235, 3603, 3640, 3793, 4068, 4111, 4352, 5181, 5351, ср. еще с наречием и частицей между отрицанием и причастием: не оу ка сѣть настала хотѣшѧ быти 2482–2483; отрицание при вспомогательном глаголе — перфект: 302 дважды, 1542, 2175, 5968, плюсквамперфект (не бѣаше): 3656, 4177.

«Повесть временных лет»⁵

не + причастие	не + связка
Перфект	
7	2
(1) <u>он же р(ч)е сего ксмъ не молвилъ</u> Л 265 = И91а24	<u>сде во не сѣть ап(с)ли оучили.</u> н(н) пррци прорекли Л 83 = И32г22–23
(2) <u>идѣте оплѣть. тако ѿцѣ наши сего не приади сѣть</u> Л 85 = И33г1	<u>дивьно мы находихо(м̃) чюдо.</u> кгоже нѣ есмь слышали
(3) <u>сего не бывало е(с) в Рѹсьскѣи зѣмьли</u> Л 262 = (не было есть) И90а1	<u>пре(ж) си(х̃) лѣ(т̃) Л235 = И86б7</u>
(4) <u>и разѹмѣ тако не всталъ ксѣь нгѹменъ</u> Л 191 = И70г18	
(5) <u>кленѹса... тако не помослилъ</u> [в др. сп.: <u>помыслилъ</u>] <u>ксмъ зла бра(т̃)и свои</u> ни в чемже Л 266 = И91в10	
(6) <u>се ты не шелъ кси с нама на поганыѣ</u> Л 228 = И84а28	
(7) <u>си же того не творѣть. сѣть не бы(1) прави</u> ли вѣры Л 87, и <u>сѣть не исправи</u> ли РА = И34б10	
Плюсquamперфект	
4	3
(8) <u>за маломъ во вѣ не дошелъ Цр̃агра(д̃)</u> Л 71 = (вѣ не шелъ) И28в6	<u>кѣе во не бѣху приади сѣаго</u> кр̃ишнѣ Л 117 = 44б3, но РА: <u>бѣху (бѣше А) не прияли</u>
(9) <u>лежащѣ мощьми. но сстави не распалиса</u> бѣша Л 211 = И78б15	<u>си во не бѣша преди слышали</u> словесе книжного Л 119 = И44г24
(10) <u>еще во не скончалиса бѣху грѣси ихъ. и безаконѣи ихъ</u> Л 233 = И85в19	<u>предъ симъ во не вѣ оумираа сн̃ъ предъ ѿцѣмъ</u> Л 92 = Погодинский, Хлебниковский (в Ипат 36б опущено вѣ) [ПСРЛ II 79]
(11) <u>бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи</u> томъ Л 127 = И48а10	

В «Повести временных лет», как можно заметить по приведенным данным, отрицание обычно примыкает к причастию, а при вспомогательном глаголе оказывается в книжных контекстах.

В Киевской летописи преобладание постановки отрицания при причастии еще более заметно, чем в «Повести временных лет».

⁵ Цитаты приводятся по Лаврентьевской летописи с указанием страниц по [ПСРЛ I], далее дается ссылка на параллельное место Ипатьевской летописи с указанием листа и строки по [НКРЯ].

Киевская летопись⁶

не + причастие	не + связка
Перфект	
10	2
(12) а ты <u>еси не восхотѣлъ</u> 144б24	<u>нѣси пригаль</u>
(13) а ѿ <u>есмы</u> на тобѣ ч(с)ти <u>не положиъ</u> 151г20	<u>бл҃гословеннѣ ѿ ст҃ѣи</u>
(14) аче <u>есмы</u> тогда <u>не былъ</u> , надъ бра(т)мъ сво- имъ 169а6	<u>софѣ</u> 173г24
(15) съ изаславомъ <u>есмы не могаъ</u> быти 171в23	<u>свадоу акаже несть</u>
(16) аче ти <u>есмы</u> володимира <u>не добылъ</u> 175б11	<u>бывала</u> в роуѣи 229а21
(17) а чему <u>есте не молвили</u> 177в31	
(18) лиха ти <u>есмы не хотѣлъ</u> 178в14	
(19) ажъ <u>еси не вѣлъ</u> на конь 239а33	
(20) и не чааъ <u>есмы</u> сакого возмездья 217г17–18	
(21) а гарополка не пѣстиша. <u>не вѣмѣниа</u> ны еси того 203а24	
Плюсквамперфект	
14	0
(22) предъ симъ бо <u>бѣ не былъ</u> еп(с)пъ смоленскѣ 111в12	
(23) и еще бо <u>бяху</u> половци <u>не пришли</u> к немѹ 110б13	
(24) всеволодъ же <u>баше не человаъ</u> кр(с)та еще 113б31	
(25) а вачеславъ <u>баше</u> полкъ к немѹ <u>не притагъ</u> прити 145г20	
(26) давидъ же <u>баше не притагъ</u> 213а8	
(27) роуѣ же <u>бяху</u> тъ <u>не переѣхалѣ</u> еще рѣкъ сюрлана 223г19	
(28) <u>не втагли</u> бо <u>бяху</u> съ кнѣземъ 109г18	
(29) <u>не тагли бяху</u> тъ ѿ множества всего того вывозити 122г22	
(30) <u>не всталъ</u> бо <u>сѧ баше</u> оу ни(х) ниединъ кнѣзь 171б3	
(31) ростиславичи же <u>не затворилисѧ бяху</u> тъ 204а3	
(32) гарославъ же <u>не совокупн(а)сѧ башеть</u> съ братьею 205а10	
(33) кнѣзь же гарославъ черниговскѣи <u>не шелъ</u> <u>баше с братомъ</u> 222г32	
(34) зане и еще <u>не пришелъ баше</u> ростиславъ киевѹ 169а13	
(35) а инде <u>не сталъ баше</u> никдеже 184б7	

⁶ Цитируется по [Юрьева 2017].

Оба контекста с отрицанием при вспомогательном глаголе в перфекте отражают церковнославянское влияние. Выражение **акаже несть бывала**, видимо, восходит к Евангелию от Матфея XXIV 21: **скръбь великъ. ꙗже несть была отъ начала вѣсего мира доселѣ** (по Мариинскому евангелию).

В плюсквамперфекте в Киевской летописи отрицание всегда примыкает к причастию. Единственный пример с другим порядком: **не бяхуѣть бо добръ сѣмьлиси с коуюи но мало ѿ простыхъ. или кто ѿ штрокъ боярскихъ. добри бо вси бяхуѣть(сѣ) идущѣ пѣши** ‘не сильные [воины] отступили с коуями, но немного простых [людей] или отроков боярских, потому что сильные все бились, идя пешими’ 224в3 — на самом деле содержит не sententialное отрицание, а присловное, поскольку оно относится к слову **добръ** (= добри, им. мн.). Возможно, отрицание находится перед **бяхуѣть** из-за того, что эта форма одновременно играет роль вспомогательного глагола перфекта и связки составного сказуемого (**не бяхуѣть бо добръ**), а при составном сказуемом отрицание обычно примыкает к связке, если в предикации опровергается ложная пресуппозиция, которой при помощи союза **нѣ** ‘но’ противопоставляется истинная ситуация, как в данном случае [Пичхадзе 2020].

В Новгородской I летописи sententialное отрицание в перфекте и плюсквамперфекте зафиксировано, за единственным исключением, при причасти.

Новгородская I летопись⁷

не + причастие	не + связка
Перфект	
3	0
(36) а зла до васъ <u>есмь не мыслилъ</u> никоторагоже 105.3–4	
(37) а князю <u>ксме</u> зла <u>не створили</u> никоторагоже 107 об.7	
(38) и ре(ч) · <u>яко не мыслилъ ксмы</u> до пльсковичъ гроуѣа ниче҃гоже 104.15	
Плюсквамперфект	
2	1
(39) а кто <u>бѣ нѣ</u> пошълъ по нихъ · с<гол>бовица сѣ нѣколькомъ дружины · а ꙗ тѣхъ кꙋ(н) понма(ш) · бивѣше 62 об.16	<u>не бе</u> бо приспело врѣма кго 89.20
(40) а сторожи нощнии <u>бяху</u> пришли · а днѣвнии <u>бяху не</u> пошли 87 об.5	

⁷ Цитируется по компьютерному набору текста Новгородской I летописи по Синодальному списку, выполненному А. А. Гиппиусом и использованному в НКРЯ.

Контекст **недостало бо оу нихъ баше хлѣ(б)** 118 об. содержит глагол **недостати**, в котором приставка **не-** уже неотделима.

Единственный случай постановки отрицания при вспомогательном глаголе в плюсквамперфекте отмечен в рассказе об убийстве рязанских князей, читающемся также в Суздальской летописи (см. ниже) и отличающемся обилием книжных оборотов [Комарович 1945: 76; Гиппиус 2009: 194, прим. 2].

В Суздальской летописи также преобладает отрицание при причастии.

Суздальская летопись⁸

не + причастие	не + связка
Перфект	
3	1+2
(41) аще есмъ тогда не былъ надъ брато(м̃) своимъ 342.7	еже нѣ(с̃) было в Ростовѣ · оу пре(ж̃) бывши(х̃) еп(с̃)нѣхъ 459.26
(42) то ты коли рать была со мною кси ко ц(с̃)рю не бѣжа(а̃) · не [вместо: но] всталъ кси в Руси 482.23	и хотѣныа оустъ кго нѣси кго лишилъ 421.27 = 433.25
(43) и не оуспѣлъ кси ничтоже 297.4–5	(Пс. XX 2)
Плюсквамперфект	
6	2
(44) занеже бяху не ходили томъ лѣ(т̃) · со всею князькю 397.2	не бѣ бо приспѣло еще время кго 440.29
(45) не встал бо сѧ башеть оу ни(х̃) никаковъ князь 343.30	жалостно же и слышати іако ѡцъ кго ч(с̃)тныи Іѧрославъ великыи не бѣ вѣдалъ такого встанья на сѧ своего много 478.37
(46) кнази же Русстии не оутагани бяху с Володимеромъ 395.19–20	
(47) тѣ(м̃)же мнози Новгородци не совокупиласѧ бѣша 479.2–3	
(48) зане и еще не пришелъ башеть Ростиславъ 342.11	
(49) по · г̃ · дни бо не пустили бяху ихъ к водѣ 398.16	

Отрицание при вспомогательном глаголе перфекта один раз встречается в том же клише, что и в Киевской летописи, восходящем к Мф. XXIV 21, дважды — в цитате из Псалтыри. В плюсквамперфекте один из двух контекстов идентичен с контекстом из Новгородской I летописи из рассказа об убийстве рязанских князей, о котором шла речь выше, а второй находится в «Житии Александра Невского».

В Галицкой летописи доля примыкания отрицания к вспомогательному глаголу больше, чем в остальных летописях.

⁸ Суздальская, Галицкая и Волынская летописи цитируются по [ПСРЛ II].

Галицкая летопись

не + причастие	не + связка
Перфект	
3	0
(50) <u>чему еси давно не пришесть</u> 807.13	
(51) <u>доселъ есмь не пилъ</u> 807.16–17	
(52) <u>родомъ Чьрвьна не предасть</u> <u>ес(м)и</u> 766.5	
Плюсквамперфект	
4	4
(53) и еще бо <u>башеть не слышалъ</u> <u>прихода поганыхъ Татаръ на</u> <u>Кыевъ</u> 786.2	<u>не бѣ</u> бо <u>приѣхалъ</u> во время то. потом же <u>приѣха</u> Данилъ 738.11–12
(54) <u>он же в то время. не приалъ бѣ</u> 826.26	<u>не бѣ</u> бо <u>никоторыи князь. Роускыи</u> <u>воевалъ</u> землѣ. Чѣшьское 826.12
(55) <u>ныи бо князь не входилъ бѣ</u> <u>в землю Ладьскоу толь глаубоко</u> 758.3	никтоже <u>не бѣ воевалъ</u> на нѣ в Роускихъ князи(х) 835.28–836.1
(56) <u>зане не оутвердилъ бѣ</u> землѣ. еѣ города 805.26–806.1	<u>не бѣ</u> бо <u>моглъ</u> . зла емоу створити 846.14

Хотя число контекстов, где в плюсквамперфекте отрицание примыкает к вспомогательному глаголу, сравнительно велико, все они содержат сочетание отрицания с **бѣ**, которое составитель Галицкой летописи, вероятно, использовал как книжное клише, к каковым он имел большое пристрастие. Форма **бѣ** сама по себе воспринималась как более книжная, чем **баше** [Петрухин 2008: 216, 225; Пичхадзе 2018: 299–300]. В одном случае отрицание было продублировано при вспомогательном глаголе и при причастии: **не бѣ бо на Володимѣрѣ не всталъ живыи** 788.20.

В Волынской летописи отрицание при вспомогательном глаголе в перфекте зафиксировано (дважды) только в цитате из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона [Молдован 1984: 98], в плюсквамперфекте отрицание находится исключительно при причастии.

Волынская летопись

не + причастие	не + связка
Перфект	
0	2
	<u>нѣси</u> бо <u>оумрѣ</u> но <u>спишь д-вбъщаго</u> <u>востаниа. востани ниси</u> бо <u>вмрѣ</u> 923.15–17

Плюсквамперфект	
5	0
(57) <u>Лѧховѣ же бѧху</u> и еще не вошли во свою землю 866.16	
(58) <u>Мѣстиславъ же бѧшетъ не</u> <u>притагъ</u> 873.8	
(59) <u>зѧне бы(ѣ) не бывалъ</u> оу него ни- ко(ѧ)же 914.5	
(60) река же не стала бѧшетъ 893.19	
(61) <u>зѧне не вѣходила бѧшетъ</u> . ника- каже рать. толь глѡубоко. в зем- лю его 936.15	

В берестяных грамотах книжный плюсквамперфект с отрицанием не зафиксирован, а в перфекте отрицание 7 раз употреблено при причастии (№№ 736, Ст. Р. 4, 109, 615, 732, Вит. 1, 445). В грамоте № 820 раньше читали форму *несми* (*ачи то ти почьне п[ъ]нати несми вѣрѣ соу[л]и[лѣ] --(-) годьно* [Зализняк 2004: 370]), однако А. А. Гиппиус пересмотрел это прочтение, заметив, что в действительности буква, переданная в издании как *с* в *несми*, представляет собой *ї* (за засечку *с* была принята одна из точек), и предложил для первой части грамоты новую интерпретацию: *ачи то ти почьне п[ъ]нати не їми вѣрѣ* 'Если же начнет тянуть время — не верь!'⁹.

Таким образом, исчерпывающий материал летописей и берестяных грамот подтверждает наблюдение о том, что в древнерусском языке, в отличие от древнеболгарского, отрицание примыкало к причастию аналитических претеритов, а не к вспомогательному глаголу. Редкие случаи постановки отрицания при вспомогательном глаголе объясняются церковнославянским влиянием. В перфекте и плюсквамперфекте последовательно реализовалась характерная для древнерусского языка тенденция к постановке отрицания при знаменательной части, отчетливо выраженная и в сочетаниях отрицания с составным сказуемым [Пичхадзе 2020].

Место вспомогательного глагола

Перфект

Вспомогательный глагол префекта в древнерусской фразе занимал место энклитики 8-го ранга (после местоименных энклитик) [Зализняк 2008: 37–38, 223–262]. При этом в 3-м лице вспомогательный глагол гораздо чаще выступал в роли акцентно самостоятельного слова, чем в 1-м и 2-м лице, в том числе и в летописях, поскольку в живом языке вспомогательный гла-

⁹ Об этом новом прочтении А. А. Гиппиус сообщил мне в ходе обсуждения настоящей статьи; приношу ему сердечную благодарность.

гол в 3-м лице опускался, а в книжном языке мог трактоваться как акцентно самостоятельное слово [Там же: 236–238]. Приведенный выше материал показывает, что в летописях в предложениях с сентенциальным отрицанием вспомогательный глагол перфекта регулярно ведет себя как энклитика. Отклонения наблюдаются лишь в «Повести временных лет».

В «Повести временных лет» вспомогательный глагол перфекта при наличии сентенциального отрицания занимает позицию, характерную для энклитики, только в примере (1). В (2)–(3) и (7) вспомогательный глагол стоит в позиции, недопустимой для энклитики. Вероятно, такому словопорядку способствовало то, что в этих трех примерах сказуемое представлено формой 3-го лица. Примеры (4)–(6) не показательны, поскольку изъяснительный союз **яко** и частица **се** являются проклитиками, а местоимение **ты** — полупроклитикой (т. е. словом, способным утрачивать самостоятельное ударение и просодически объединяться со следующей за ним тактовой группой); с другой стороны, в (6) после **ты** возможен ритмико-синтаксический барьер [Там же: 7–8, 70]. Общая доля энклитического употребления вспомогательного глагола — как в отрицательных, так и во всех прочих предложениях — в памятнике довольно высока [Там же: 229]. Однако А. А. Зализняком учтены только формы 1-го и 2-го лица, так что напрямую сопоставить его данные с представленными выше, среди которых преобладают формы 3-го лица, не удастся.

В Киевской летописи при наличии сентенциального отрицания вспомогательный глагол в перфекте последовательно ведет себя как энклитика, чему способствует то обстоятельство, что во всех зафиксированных контекстах представлены формы 1-го и 2-го лица. В целом — при наличии и в отсутствие сентенциального отрицания — в диалогических частях Киевской летописи вспомогательный глагол в перфекте занимает закономерное для энклитики положение в 91 % случаев [Там же: 229].

В Новгородской I, Суздальской и Галицкой летописях при наличии сентенциального отрицания в (36)–(37), (41)–(42), (50)–(51) вспомогательный глагол занимает место энклитики, а примеры (38), (43), (52) не показательны (в последнем возможен ритмико-синтаксический барьер после выделенной темы). К сожалению, данных об употреблении вспомогательного глагола в неотрицательных предложениях в этих летописях нет, но, поскольку в них не встретились контексты, в которых вспомогательный глагол занимал бы недопустимое для энклитики место в отрицательных предложениях, можно утверждать, что при наличии сентенциального отрицания вспомогательный глагол ведет себя как энклитика не менее, а, может быть, даже более последовательно, чем в предложениях без отрицания. Такая же ситуация, как было сказано, наблюдается и в Киевской летописи. «Повесть временных лет» отличается от других летописей низкой долей употребления вспомогательного глагола в позиции энклитики в отрицательных предложениях, что объясняется преобладанием здесь форм 3-го лица, в то время как в остальных летописях отмечены только формы 1-го и 2-го лица.

Плюсквамперфект

Вспомогательный глагол в форме аориста и имперфекта в составе плюсквамперфекта считается принадлежностью сугубо книжного языка [Успенский 2002: 251] и не рассматривается как энклитика. Между тем, как можно заметить, в предложениях с отрицанием он довольно часто — в сопоставимых с вспомогательным глаголом перфекта количествах — оказывается в вакернагелевской позиции. Возникает вопрос, как обстоит дело в неотрицательных предложениях. Ответить на него можно, используя данные НКРЯ. Поскольку контексты с отрицанием при вспомогательном глаголе отражают церковнославянское влияние, ниже рассматриваются только случаи с отрицанием при причастии.

В «Повести временных лет» при наличии сентенциального отрицания наблюдается картина, похожая на распределение форм в перфекте. В (8) вспомогательный глагол стоит на месте, характерном для энклитики. Пример (11) содержит вспомогательный глагол в позиции, недопустимой для энклитики. Он выражен односложной словоформой **бѣ**, которая обычно выступала в качестве энклитики, но могла функционировать и как акцентно самостоятельная форма [Дыбо 1975: 68; Зализняк 1985: 145]. Примеры (9)–(10) не показательны: здесь перед сказуемым, возможно, располагался ритмико-синтаксический барьер, часто возникавший после обстоятельств (**еще бо**) и членов предложения, участвующих в противопоставлении (**но сстави**) [Зализняк 2008: 56–57, 95].

В предложениях без сентенциального отрицания в «Повести временных лет» вспомогательный глагол — в любых формах — 28 раз стоит в позиции, характерной для энклитики, и 18 раз — в позиции, недопустимой для энклитик. В одном месте показания двух текстуальных ветвей расходятся: **баше была черницею юже бѣ привелъ ѡтець его Ѡтѡславъ** Ипатьевская летопись 30а3 vs. **бѣ бо привелъ** [далее: ю РА] **ѡць его Ѡтѡславъ** Лаврентьевская летопись [ПСРЛ I: 75]¹⁰. Из 28 контекстов с вспомогательным глаголом в препозиции причастия, стоящим после первой тактовой группы во фразе, в том числе включающей блок энклитик, 18 содержат относительные предложения, в которых вспомогательный глагол следует непосредственно за союзным словом (**все еже бѣ вѣдалъ в корсѹни** И45г30 = Л 122 и т. п.¹¹), в остальных десяти случаях он стоит после союзов **іакоже** и **имѣже** и других начальных тактовых групп.

¹⁰ Еще один контекст содержится только в редакции Ипатьевской летописи: **іако и се баше и на ны навелъ бѣ грѣхъ ради нашихъ** 98в12.

¹¹ На первом месте — лист и строка Ипатьевской летописи, на втором — страница [ПСРЛ I]: 6а5 = 11, 15б28 = 38, 15в14 и 18 = 38, 49а10 = 130, 53а31 = 140, 58а14 = 155, 58г4 = 156, 59г30 = 160, 60б8 = 160, 64в22 = 173, 69в28 = 188, 87б30 = 238, 88а5 = 240, 89а30 = 259, 90в9 = 263, 96б27 = 280. Остальные контексты: 23б1 = 58, 37б9 = 94, 40б13 = 103, 59а24 = 158, 59в15 = 159, 61г13 = 165, 66г24 = 180, 72б31 = 196, 72в19 = 196, 87в14 = 239.

В 18-ти контекстах вспомогательный глагол находится в недопустимой для энклитики позиции: начинает клаузу или — в двух случаях — следует за союзом **и**: **и бѣ заповѣдала влага. не творити трызны** 27a15 = РА [Там же: 68], **грѣки(и) бѣ. и баше была черницею** 30a2 = Л 75. Предложения, начинающиеся с вспомогательного глагола, обычно обозначают причину: в 14-ти контекстах непосредственно за вспомогательным глаголом следует энклитическая частица **бо** (**бѣ бо прежде въпрошалъ волхвовъ кудесникъ** И15630 = Радзивилловский, Академический [Там же: 38], **бѣша бо мнози погыбли на полку** И28v16 = Л 71 и т. п.¹²). В двух контекстах, с частицей **же** после вспомогательного глагола, предложения содержат пояснение или дополнительную информацию: **бѣ же варягъ тѣ пришесть ѿ грѣкъ** 32631 = Л 82, **бѣ же фѣдоси заповѣдалъ бра(тѣ)и положити сѧ в пещерѣ** 69v16 = Л 188.

В пяти случаях вспомогательный глагол следует за причастием; в этой позиции могут находиться как энклитики, так и акцентно самостоятельные слова. В трех случаях при допущении, что вспомогательный глагол являлся энклитикой, перед причастием можно усматривать ритмико-синтаксический барьер, еще в одном причастие стоит после союза **понеже**, который являлся полупроклитикой [Зализняк 2008: 70]. Один раз вспомогательный глагол отмечен в относительном предложении в позиции возможной, хотя и не характерной для энклитики: **се же свы(с)сѧ ѿ(цѣ)а его еже гл҃алъ бѣ** И80a7 = Л 216.

В Киевской летописи при наличии сентенциального отрицания вспомогательный глагол плюсквамперфекта занимает место энклитики в (22)–(27). Три следующих примера не релевантны, а в остальных, где вспомогательный глагол стоит после причастия, можно усматривать наличие ритмико-синтаксических барьеров после выделенной темы (**рогиславичи же, гарославъ же, князь же гарославъ черниговьскѣи**, ср. [Там же: 56, 97–98]) и наречий (**и еше, а инде**).

В предложениях без сентенциального отрицания в Киевской летописи вспомогательный глагол стоит в препозиции причастию 49 раз, при наличии энклитик помещаясь после них: 22 раза в относительных предложениях после союзного слова (**всѣи свои братѣи. ктоже башеть с нимъ былъ** 11763 и т. п.), 11 раз — в других придаточных предложениях после союза (**а к нима не идоста такоже бахоутъ срекли вси(м) сн҃атисѧ на оустъ медвѣдици** 135v4 и т. п.), в остальных 16-ти случаях он примыкает к другим начальным тактовым группам (**валчеславъ же баше переже вшесть** 14469 и т. п.). В недопустимой для энклитики позиции вспомогательный глагол находится 10 раз: 9 в начале клаузы в предложениях, обозначающих причину, перед частицей **бо** (**бѣ бо и мьстислава.**

¹² На первом месте — лист и строка Ипатьевской летописи, на втором — страница [ПСРЛ I]: 27a7 = 67, 30a31 = 76, 36v2 = 92, 50v19 = 134, 54b1 = 144, 69a19 = 187, 81a19 = 219, 83b24 = 226, 89a15 = 259, 92a13 = 268, 92v7 = 269, 94r25 = 275.

пустилъ. передъ собою. к володимерю 107в21 и т. п.) и один раз после союза и (и вѣ игорь разволѣлъсѧ в пороубѣ 124б11).

Еще в 26-ти контекстах вспомогательный глагол стоит сразу после союзов и (2 раза) или нѣ (один раз) или занимает место после причастия, которое начинает клаузу (10 раз: послали бо вѣхуть послы. къ всеволоду 108г3 и т. п.); в остальных 13-ти случаях допустимо предположение, что причастие помещается после ритмико-синтаксического барьера, а вспомогательный глагол является энклитикой.

В Новгородской I летописи в плюсквамперфекте вспомогательный глагол в отрицательных предложениях, как видно из приведенной выше таблицы, оба раза занимает место энклитики. В предложениях без отрицания вспомогательный глагол стоит в препозиции причастия 19 раз в разнообразных контекстах — как в независимых, так и в придаточных предикациях (дважды — в относительных). 13 раз он отмечен после начальной тактовой группы (а гарюунѣ вѣше затворѣлъсѧ въ градѣ 84.3), при наличии сентенциальных энклитик помещается после них (тоу бо вѣху вышлѧ соудальци пѣлкомъ 43 об.11 и др.). Еще в трех случаях вспомогательный глагол занимает место энклитики, следуя за словом, перед которым можно усматривать ритмико-синтаксический барьер (а нини // оуже вѣху ѿбѣдали 109 об.20), причем он отходит в правую часть после барьера как слабая энклитика, в то время как сильная энклитика остается в левой части (пѣсковѣи же // тѣгда вѣху подѣвѣли нѣмци 105 об.10, еще бо // не добръ сѧ вѣху оумирили с нѣмци 147.21). Дважды вспомогательный глагол стоит после группы также и прежде (также и прежде вѣше погорѣлъ 15.8, так(ж) и прѣ(ж) вѣхуть грьци поустили на не ѿ кораблевъ съ огньмъ 69.13). Отмечен еще контекст, в котором между сентенциальной энклитикой и вспомогательным глаголом вклинивается местоимение и в дат. пад. мн. ч.: вѣсть бо имѣ вѣше далъ исаковичъ 69.19 (в «Повести о пленении Царьграда»); форма имѣ, изначально акцентно самостоятельная, находится здесь в позиции, которую занимают местоименные энклитики. Её энклитическое употребление можно предполагать уже для древнерусского периода, хотя надежных подтверждений этому нет [Зализняк 2008: 167–168, 237–238].

В 5-ти случаях вспомогательный глагол занимает недопустимую для энклитики позицию в начале клаузы: трижды в предложениях, указывающих причину, перед частицей бо (53 об.1, 103 об.21, 144 об.5), дважды после союза и (139.8, 148 об.20) и один раз после союза нѣ (19.5). Сюда же нужно отнести три контекста (самый ранний из них относится к 1228 г.), в которых вспомогательный глагол отделен от причастия акцентно самостоятельной формой: промѣкла бо сѧ вѣсть вѣше си 104.11, недостало бо оу нихъ вѣше хлѣбѣ 118 об.7, обадилъ бо его вѣше к горожаномъ 160 об.12. В последнем случае, впрочем, можно думать, что местоимение его воспринималось как слабоударное [Там же].

Еще в 16-ти контекстах вспомогательный глагол следует за причастием, которое стоит в начале клаузы (12 раз), в 4-х случаях перед причастием мог проходить ритмико-синтаксический барьер.

В **Суздальской летописи** в плюсквамперфекте в отрицательных предложениях вспомогательный глагол употреблен в позиции энклитики в примере (44), пример (45) не показателен, в остальных можно предполагать наличие барьеров после выделенной темы (**кнѧзи же Рѹсстни, мнози Новгородци**) и наречных групп (**зане и еше, по · г · дни во**). При отсутствии отрицания вспомогательный глагол отмечен в препозиции причастия на месте энклитики 55 раз, из них 39 — в относительных предложениях после союзного слова (**братъѣ своее · ихже бѡху изъимали Берендѣи** 345.18 и т. п.), 16 раз — в предложениях других типов, независимых и придаточных, после первой тактовой группы (в том числе после союза **зане** — 6 раз, **также/акоже** — 3 раза).

20 раз вспомогательный глагол начинает клаузу, находясь в позиции, недопустимой для энклитики. Некоторые из этих контекстов заимствованы из «Повести временных лет» (**бѣ во Роговолодѣ перешелъ изъ заморѣа** 299.25) или источника, общего с Киевской летописью (**бѣ во повелѣ жену собѣ изъ Ѡбезъ** 341.10). Во всех двадцати случаях предложения обозначают причину и за вспомогательным глаголом следует частица **во**.

Кроме того, нужно указать три контекста, в которых вспомогательный глагол стоит в постпозиции причастия в относительных предложениях: **чюдо новое стѣе Бѣи Володимер[с]кое юже вѣалъ бѡше с совою** 353.9, **славѣ Бѣ и стѣю Бѣю · и кр(с)тнѣю силѣ · кгоже перестѣпили бѡху Ростовци и болѣре** 382.14, **ѡ ни(х) же почали бѡх(м) пре(ж) глѣти** 427.30. В постпозиции причастия вспомогательный глагол помещается еще в 28-ми контекстах, где причастие начинает клаузу, стоит после союза **и** или полупроклитики **зане** или же после возможного ритмико-синтаксического барьера (**и са(м) Володимерко // пристѣпилъ бѡше ближе к Шюмьскѣ** 323.8 и т. п.).

В **Галицкой летописи** при наличии сентенциального отрицания в плюсквамперфекте вспомогательный глагол один раз находится в позиции глагольной энклитики — в примере (53), в (54)–(55) допустимо предполагать ритмико-синтаксические барьеры, а последний пример не показателен, потому что союз **зане** был полупроклитикой [Зализняк 2008: 70, 120]. В отсутствие отрицания вспомогательный глагол находится в препозиции причастия 18 раз, в том числе 6 раз в относительных придаточных после местоимения **иже**. В 15-ти случаях из 18-ти он занимает место глагольной энклитики. В одном контексте вспомогательный глагол отделен от сильной энклитики **же** формой дат. ед. **емоу**, изначально акцентно самостоятельной: **братъ же да Василковн Лоуческъ. и Пересопницю. Берестни же емоу бѣ преже далъ** 751.17; не исключено, впрочем, что форма **емоу** могла употребляться как энклитика, хотя надежных подтверждений этому нет [Там же: 167–168, 237–238]. В другом при-

мере он оказывается перед возвратной энклитикой **сѧ** (**Галичѣ во бѣ сѧ затвориѡ** 758.20). Возможно, нарушение стандартного расположения вспомогательного глагола по отношению к возвратной энклитике в Галицкой летописи объясняется диалектными особенностями: в современных центральнозакарпатских украинских говорах глагольные энклитики в составе перфекта и составного сказуемого предшествуют возвратной частице *s'a* [Толстая 2012: 195–196, 201]. Еще в одном контексте перед вспомогательным глаголом должен был бы проходить ритмико-синтаксический барьер: **Данилѣ во и вон его. // бѣ истроудиласѧ** 773.1 [Там же: 115].

В начале клаузы, в недопустимой для энклитики позиции вспомогательный глагол отмечен 10 раз, почти всегда (за единственным исключением) в предложениях причины перед частицей **во**: **бѣ во приѡлѣ богазни ради. Романовы** 717.8 и т. п.

Вспомогательный глагол находится в постпозиции причастию в 39-ти случаях: причастие начинает клаузу или стоит после ритмико-синтаксического барьера — после обстоятельств, выделенной темы, тяжелых клауз (**Є(г)же лживыи Жирославѣ // оукраѡ бѣ** 737.27 и т. п.).

В **Волынской летописи** при наличии сентенциального отрицания в плюсквамперфекте в двух случаях вспомогательный глагол находится в позиции энклитики — в примерах (57)–(58), в (60) проходит барьер после выделенной темы, а (61), перефразирующий пример (55) из Галицкой летописи, как и (59), не показателен, потому что союз **зане** был полупроклитикой.

В отсутствие отрицания вспомогательный глагол зафиксирован в препозиции причастию на месте энклитики 14 раз, в том числе 8 раз после первой тактовой группы и энклитик, если они наличествуют (**Лаховѣ же бѡху и еше не вошѡи во свою землю. но токмо и** [нет в др. сп.] **бѡшетѣ Ворота прошли** 866.16–17 и т. п.), 3 раза — после местоимения **ниже** в относительных предложениях, один раз — после относительного наречия **идеже** (866.1), 2 раза — после изъяснительного союза **оже** (868.23, 871.9).

В начале клаузы, в недопустимой для энклитики позиции вспомогательный глагол отмечен 2 раза (**бѣ во забѣгѡ из Рѡзана** 855.12, и **бѡху в немѣ заперлисѧ Проузи** 878.4).

В постпозиции причастию вспомогательный глагол находится 30 раз — в начале клаузы (в том числе после причастного оборота: **пославѣ Люблинѣцѣ // вѡлѡ бѡшетѣ оу него. село** 889.24) или после ритмико-синтаксического барьера — после обстоятельств, выделенной темы: **тогда же // приѣхѡлѣ бѡшетѣ Кондратѣ** 933.16 и т. п.).

В целом в предложениях без отрицания в летописях наблюдается та же картина, что и в предложениях с сентенциальным отрицанием, а именно отчетливое преобладание контекстов с вспомогательным глаголом в позиции, характерной для глагольной энклитики. В плюсквамперфекте, таким образом, вспомогательный глагол ведет себя так же, как и в перфекте, при-

чем отличие «Повести временных лет» от остальных летописей в плюсквамперфекте не фиксируется — что подтверждает случайный характер этого отличия в перфекте. Количественные данные по неотрицательным предложениям в летописях суммированы в следующей таблице:

Место вспомогательного глагола	«Повесть врем. лет»	Киев. л.	Новг. I л.	Сузд. л.	Гал. л.	Вол. л.
В характерной для энклитики позиции	28	49	19	55	15	14
В недопустимой для энклитики позиции	19	10	8	20	13	2
В нерелевантной позиции	4	26	16	31	39	30

Хотя число контекстов с вспомогательным глаголом в недопустимой для энклитики позиции довольно велико, они чрезвычайно однообразны: за редкими исключениями, они отмечены в предложениях, указывающих на причину и начинающихся с вспомогательного глагола (обычно в форме **бѣ**), за которым следует частица **бо**. Можно предположить, что модель предложения, начинающегося с **бѣ бо**, являлась принадлежностью церковнославянского языка: на это указывает её частотность в наиболее книжных летописях («Повести временных лет», Галицкой и Суздальской летописях) и форма **бѣ**, более книжная, как было сказано выше, чем **баше**. В Волынской летописи, менее остальных подвергшейся церковнославянскому влиянию, сочетание **бѣ бо** встретилось только один раз. Большее число контекстов с вспомогательным глаголом в позиции энклитики в отрицательных предложениях, чем в неотрицательных, во всех летописях, кроме «Повести временных лет», складывается именно за счет неотрицательных предложений, начинающихся с **бѣ бо**, поскольку при подсчетах учитывались только контексты с отрицанием при причастии, а сочетания типа **не бѣ бо** с отрицанием при вспомогательном глаголе как не свойственные древнерусскому узусу игнорировались. Таким образом, наличие синтаксического отрицания не влияло на позицию вспомогательного глагола.

По поведению вспомогательного глагола в плюсквамперфекте древнерусские летописи не отличаются принципиально от старославянских памятников. Так, в Мариинском евангелии в большинстве случаев вспомогательный глагол плюсквамперфекта стоит после начальной тактовой группы, замыкая блок энклитик, если их несколько: Ио. IX 8: **сѣсѣди же и иже бѣаху видѣли прежде ꙗко спѣтъ бѣ**, Лк. V 17: **законоучителе. иже бѣаху пришѣли отъ вѣстѣюа въси галиленскы**, Лк. XXIII 55: **жены. ѿже бѣаху пришѣлы съ нимъ**, Ио. IX 22: **юже бо сѣ бѣаху съложили нюдѣи**, Лк. XXII 47: **се бо бѣ знамение далъ имъ**, Ио. VI 17: **и не оу бѣ пришѣлъ къ нимъ исъ**, Ио. VII 30: **не оу бѣ пришѣлъ годъ его**, Ио. VIII 20: **не оу бѣ пришѣла година его**. Сюда же можно причислить контекст из Ио. XI 19: **и мѣнози отъ нюден бѣаху пришѣли къ мартѣ и марии**, если считать **мѣнози отъ нюден** единой группой, которую не может разбить

слабая глагольная энклитика. Вспомогательный глагол в позиции, недопустимой для энклитики, встретился в Мк. I 33: **ѿ бѣ весь градъ събѣралъсѧ къ двѣремъ**; еще в двух случаях глагол следует за проклитикой **не** (Ио. XI 30: **не бѣ же не оу нѣ пришелъ въ весь**, Лк. XXIII 51: **съ не бѣ присталъ съвѣтъ и дѣла ихъ**).

Церковнославянские тексты, очевидно, поддерживали употребление вспомогательного глагола в позиции энклитики в древнерусских летописях, но объяснить это явление целиком за счет церковнославянского влияния невозможно по двум причинам. Во-первых, плюсквамперфект в церковнославянских памятниках не являлся частотной формой и в силу этого едва ли осознавался как примета книжности; в летописях, как легко убедиться по приведенным данным, он используется гораздо чаще, чем в евангельском нарративе. Во-вторых, правила расположения энклитик довольно сложны, поэтому трудно было бы не нарушать их постоянно, ориентируясь только на образцовые тексты. Более вероятным кажется предположение, что перевод Евангелия и древнерусские летописи отражают тенденцию к употреблению вспомогательного глагола плюсквамперфекта в качестве энклитики в славянских диалектах. Возможно, энклитическое употребление вспомогательного глагола плюсквамперфекта развилось еще в дописьменную эпоху. Такую же эволюцию пережили вспомогательные глаголы в составе других аналитических временных форм — перфекта, затем древнерусского сверхсложного плюсквамперфекта [Зализняк 2008: 39] и, наконец, уже в старорусский период, — сложного будущего [Циммерлинг 2013: 341–343]. Аналогичный процесс имел место и в других славянских языках [Толстая 2015: 398–399]. Клитизация вспомогательных глаголов закономерна: она объясняется слабостью их грамматических связей [Jakobson 1935/1971: 16].

Книжный плюсквамперфект в древнерусских текстах не был церковнославянским заимствованием, о чем свидетельствует его частотность в летописях, не испытавших значительного церковнославянского влияния (например, в небольшой по объему Волынской летописи). Он был унаследован из праславянского языка и употреблялся в силу письменно-языковой традиции. Он являлся принадлежностью древнерусского книжного языка и, в частности, выполнял важные функции в летописном нарративе [Петрухин 2008], будучи одной из его отличительных черт. Так, в «Поучении» Владимира Мономаха в нарративных пассажах описания «путей» используется именно книжный плюсквамперфект, а в обращении Мономаха к детям — некнижный сверхсложный плюсквамперфект [Шевелёва 2015: 566–571]. В берестяных грамотах книжный плюсквамперфект встретился только один раз — в начальной официальной формуле грамоты № 510 XIII в. [Зализняк 2004: 143]. Трудно сказать, поддерживалось ли энклитическое употребление вспомогательного глагола плюсквамперфекта в древнерусском летописании XI–XII вв. живым узусом или воспроизводилось по традиции. Можно предположить определенную поддержку со стороны перфекта,

имея в виду, однако, что плюсквамперфект обычно использовался в нарративе в 3-м лице (ср. приведенные выше примеры), а в перфекте именно в 3-м лице вспомогательный глагол часто или опускался, или, являясь элементом книжного языка, выступал как акцентно самостоятельная форма.

В летописях XIII в. нарастает доля контекстов с вспомогательным глаголом в постпозиции причастию. Экспансия такого словопорядка также находит аналогию в эволюции перфекта, вспомогательный глагол которого имел тенденцию закрепляться в постпозиции причастию в книжной традиции — как местоимение **сѧ**, превратившееся в глагольную морфему [Зализняк 2008: 235–236]. Учитывая утрату вспомогательного глагола перфекта и вероятное отсутствие книжного плюсквамперфекта в живом узусе, вытеснение вспомогательного глагола сложных претеритов в постпозицию причастию нужно признать проявлением распространения на книжный язык процесса утраты слабых энклитик, протекавшего в живом древнерусском языке [Там же: 265–266].

Источники

Заимов, Капалдо 1982–1983 — Й. Заимов, М. Капалдо. **Бѣгъ прасѣлски** или Ретков сборник. Т. 1–2. София, 1982–1983.

Молдован 1984 — А. М. Молдован. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.

МстЕв — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова; под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru).

ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

УСб — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

Юрьева 2017 — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.

Литература

Гиппиус 2009 — А. А. Гиппиус. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... : Сборник памяти А. С. Хорошева / Сост. А. Е. Мусин. М.: ЛеопАрт, 2009. С. 181–198.

Дыбо 1975 — В. А. Дыбо. Закон Васильева-Долобко в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. XVIII/1. 1975. С. 7–81.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

Комарович 1945 — В. Л. Комарович. Рязанский летописный свод XIII в. // История русской литературы. Т. II, ч. I. М.; Л., 1945. С. 74–77.

Петрухин 2008 — П. В. Петрухин. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 213–240.

Пичхадзе 2018 — А. А. Пичхадзе. Языковая редактура в «Сказании о Борисе и Глебе» и в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XVI. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2016–2017. М., 2018. С. 296–316.

Пичхадзе 2020 — А. А. Пичхадзе. Отрицание при составном сказуемом в древнерусском языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 1. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. 2020. С. 222–239.

Толстая 2012 — М. Н. Толстая. Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура: 2009–2011. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. Вып. 2. С. 191–210.

Толстая 2015 — М. Н. Толстая. Диалектные тексты как источник информации о карпатоукраинских клитиках // Діалекти в синхронії та діяхронії: Текст як джерело лінгвістичних студій. Тези доповідей міжнародної конференції. Ін-т укр. мови НАН України. Київ: КММ, 2015. С. 398–416.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М.: Аспект Пресс, 2002.

Хабургаев 1978 — Г. А. Хабургаев. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Филология. 1978. № 4. С. 42–53.

Циммерлинг 2013 — А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Шевелёва 2015 — М. Н. Шевелёва. О некоторых глагольных формах в «Почуении» Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI–XII вв. // Slověne. Vol. 4. 2015. № 1. Part 2. С. 564–577.

Jakobson 1935/1971 — R. Jakobson. Les enclitiques slaves // R. Jakobson. Selected Writings. Vol. II. Word and Language. The Hague; Paris, 1971. P. 16–22. (Original publication: Atti del Congresso di linguistica tenuto in Roma il 19–26 Settembre 1933. Firenze, 1935).

Migdalski 2006 — K. Migdalski. The Syntax of Compound Tenses in Slavic. Utrecht: LOT, 2006.

Večerka 1989 — R. Večerka. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. Bd. I. Die lineare Satzorganisation (Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. T. XXVII) / Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher. Freiburg i. Br.: U. W. Weiher, 1989.

Willis 2013 — D. Willis. Negation in the history of the Slavonic languages // The History of Negation in the Languages of Europe and the Mediterranean. Vol. I: Case studies / Ed. by D. Willis, Ch. Lucas, and A. Breitbarth. Oxford University Press, 2013. P. 341–398.

Статья получена 03.05.2020

Anna A. Pichkhadze

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
rusyaz@yandex.ru

PERFECT AND PLUPERFECT IN OLD RUSSIAN: THE POSITION OF SENTENTIAL NEGATION AND AUXILIARY VERB

The paper consists of two parts. The first part examines the position of negation in sentences with past compound tenses in Old Russian. The Old Russian chronicles and birchbark letters were analyzed. The analysis confirmed that in Old Russian, unlike Old Bulgarian, negation is regularly adjacent to the participle of the perfect or pluperfect. Rare contexts where negation is placed in front of the auxiliary are accounted for by the influence of Church Slavonic. The second part of the paper discusses the position of the auxiliary in Old Russian perfect and pluperfect. It is shown that in Old Russian chronicles, the auxiliary appears quite regularly in the enclitic position not only in the perfect but also in the pluperfect. In Old Church Slavonic *Codex Marianus*, the pluperfect auxiliary behaves in a similar way. It is proposed that in Slavic dialects, the pluperfect auxiliary could function as an enclitic like the auxiliaries of other compound tenses — perfect, super-compound pluperfect, and compound future. The pluperfect auxiliary might already have been used as an enclitic in the preliterate period.

Keywords: negation, auxiliary verb, pluperfect, enclitics, Old Russian

References

- Dybo, V. A. (1975). Zakon Vasil'eva-Dolobko v drevnerusskom (na materiale Chudovskogo Novogo Zaveta). *International journal of Slavic linguistics and poetics*, 18(1), 7–81.
- Gippius, A. A. (2009). Arkhiepiskop Antonii, novgorodskoe letopisanie i kul't sviatoi Sofii. In A. E. Musin (Ed.), *Khoroshie dni...: Sbornik pamiati A. S. Khorosheva* (pp. 181–198). Moscow: LeopArt.
- Jakobson, R. (1971). *Selected writings* (Vol. 2, pp. 16–22). Paris; The Hague: De Gruyter Mouton.
- Khaburgaev, G. A. (1978). Sud'ba vspomogatel'nogo glagola drevnikh slavianskikh analiticheskikh form v russkom yazyke. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 4, 42–53.
- Kniazevskaya, O. A., Demyanov, V. G., & Lyapon, M. V. (Eds.). (1971). *Uspenskii sbornik XII–XIII vv.* Moscow: Nauka.
- Migdalski, K. (2006). *The Syntax of Compound Tenses in Slavic*. Utrecht: LOT.
- Moldovan, A. M. (1984). «Slovo o zakone i blagodatii» Ilariona. Kiev: Naukova dumka, 1984.
- Petrukhin, P. V. (2008). Diskursivnye funktsii drevnerusskogo pluskvamperfekta (na materiale Kievskoi i Galitsko-Volynskoi letopisei). In V. Yu. Gusev, V. A. Plungan, & A. Yu. Urmanchieva (Eds.), *Issledovaniia po teorii grammatiki* (Issue 4, pp. 213–240). Moscow: Gnozis.
- Pichkhadze, A. A. (2018). Yazykovaia redaktura v «Skazanii o Borise i Glebe» i v «Chtenii o Borise i Glebe» Nestora. In M. S. Mushinskaia (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. T. 16. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo yazyka* (pp. 296–316). Moscow: IRIA RAN.

- Pichkhadze, A. A. (2020). Otritsanie pri sostavnom skazuemom v drevnerusskom yazyke. In G. I. Kustova, & A. A. Pichkhadze (Eds.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. T. 1. Pamiati Andreia Anatol'evicha Zalizniaka* (pp. 222–239). Moscow: IRIA RAN.
- Sheveleva, M. N. (2015). O nekotorykh glagol'nykh formakh v «Pouchenii» Vladimira Monomakha i yazyke Kieva na rubezhe XI–XII vv. *Slověne*, 4(1), 564–577.
- Tolstaya, M. N. (2012). Karpatoukrainskie enklitiki v iuzhnoslavianskoi perspektive. In A. A. Plotnikova (Ed.), *Karpato-balkanskii dialektnyi landshaft: Yazyk i kul'tura* (Issue 2, pp. 191–210). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Tolstaya, M. N. (2015). Dialektnye teksty kak istochnik informatsii o karpatoukrainskikh klitikakh. In P. Yu. Gritsenko (Ed.), *Dialekti v sinkhronii ta diakhronii: Tekst iak dzherelo lingvistichnikh studii. Tezi dopovidei mizhnarodnoi konferentsii* (pp. 398–416). Kyiv: In-t ukr. movi NAN Ukraini.
- Tsimmerling, A. V. (2013). *Sistemy poriadka slov slavianskikh yazykov v tipologicheskoi aspekte*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Uspensky, B. A. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* (3rd ed.). Moscow: Aspekt Press.
- Večerka, R. (1989). *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax* (Vol. 1). Berlin: U. W. Weier.
- Willis, D. (2013). Negation in the history of the Slavonic languages. In D. Willis, Ch. Lucas, & A. Breitbarth (Eds.), *The History of negation in the languages of Europe and the Mediterranean* (Vol. 1, pp. 341–398). Oxford: Oxford University Press.
- Yuryeva, I. S. (Ed.). (2017). *Kievskaya letopis'*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zaimov I., & Kapaldo, M. (1982–1983). *Supras"lski ili Retkov sbornik* (Vols. 1–2). Sofia: BAN.
- Zaliznyak, A. A. (1985). *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.
- Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zaliznyak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Zhukovskaya, L. P., Vladimirova, L. A., Pankratova, N. P. (Eds.). (1983). *Aprakos Mstislava Velikogo*. Moscow: Nauka, 1983.

Received on May 3, 2020